

Интервью

VR. Гэри Джереффи – профессор Университета Дьюк [Duke University] (США). Несомненно, это один из наиболее известных авторов, занимающихся социологией международного хозяйственного развития. В сфере его интересов находятся не национальные государства или социальные классы, а образованные крупнейшими транснациональными корпорациями международные цепи добавления стоимости (или товаропроводящие цепи). Мы надеемся, что публикуемый обзор теорий международного хозяйственного развития окажется полезным подспорьем для тех, кто не потерял интереса к макросоциологическим вопросам.

Гэри Джереффи [Gary Gereffу], 13 мая 2004 г.¹

Впервые мы встретились в 1998 г. на Всемирном конгрессе в Монреале. Будучи в костюме с галстуком, Гэри имел деловой вид и заметно выделялся из толпы социологов, которые обычно одеваются «демократично» (т.е. кое-как). Его доклад также отличался четкостью и информативностью. И я был весьма рад возобновлению знакомства, тем более, что сам заинтересовался проблемой вертикально интегрированных цепочек. В личном общении он оказался очень обходительным и доброжелательным человеком, большим энтузиастом своего дела.

* * *

– Гэри, вы известный экономсоциолог, чьи работы весьма релевантны данной области. Вероятно, есть основания полагать, что вы сами тоже считаете себя экономсоциологом – по крайней мере, отчасти?

– Да. Я думаю, то, что сейчас называют «экономической социологией», включает одно крупное направление – социологию развития [sociology of development]. Если вернуться к началу моей работы, то следует начать с диссертации. Она была посвящена работе мультинациональных корпораций в развивающихся странах, и в то время теории модернизации противопоставлялась теория зависимости [dependency theory]. Именно тогда произошло возрождение экономической социологии. Мне кажется, то, что мы сейчас понимаем под экономической социологией, на самом деле появилось в 1990-е гг. – когда вышла хрестоматия по экономической социологии Н. Смелсера и Р. Сведберга². Если немного углубиться в историю, думаю, вначале экономическая социология существовала в качестве того, что мы называли традицией исследования индустриальных отношений. Она изучала то, что происходило на заводах и фабриках, и единицей анализа выступала фабрика или рабочее место. Затем дискуссия развернулась более широко, охватив национальные хозяйства и то, как они развиваются. Когда я начал заниматься данной проблематикой (это произошло в середине 1970-х гг.), самым интересным разделом социологии для меня являлось развитие стран и регионов третьего мира, а также роль мультинациональных или

¹ Перевод М.С. Добряковой, В.В. Радаева.

² Smelser N., Swedberg R. (eds.) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

транснациональных корпораций в этом развитии. Вероятно, данное направление и привело меня к нынешней экономической социологии – в то время, повторю, данными вопросами занималась теория зависимости. Когда я начал писать диссертацию, как раз происходил переход от дискуссии о странах и регионах, которые считались зависимыми, к дискуссии о глобальных хозяйственных отраслях. В итоге моя диссертация была посвящена мультинациональным корпорациям в фармацевтической промышленности, при этом особое внимание в работе уделялось анализу опыта Мексики. На мой взгляд, эта линия исследований ныне стала одним из важных направлений в новой экономической социологии.

– *То есть вы считаете ее частью экономической социологии?*

– Да, именно так. Но даже если говорить о времени появления упомянутой выше «Хрестоматии» и о том, как Смелсер и Сведберг определяли данный предмет, сохраняется потребность понять глобальное хозяйство, то, как оно организовано и как оно влияет на возможности стран включаться в работу международной капиталистической системы. В данной области мы имеем социологию развития, теорию зависимости, теорию мировых систем [world systems theory]. Все они описывают действия на макроуровне экономической социологии – будь то уровень международных систем, о котором говорят И. Валлерстайн [Immanuel Wallerstein] или Ф. Блок [Fred Block]; или же уровень институтов, когда в центре внимания оказывается роль государства. Здесь интересны работы Фреда Блока. Питер Эванс [Peter Evans] опубликовал важные работы для понимания роли государства.

– *«Укорененная автономия»³?*

– Да. Есть и еще ряд экономистов. А например, Роберт Уэйд [Robert Wade] и Элис Эмсен [Alice Amsden] критиковали подход Всемирного банка к трактовке восточно-азиатского чуда, утверждая, что государство играет более важную роль, чем это следует из позиции Всемирного банка или подчеркнуто рыночной интерпретации.

Отличие моих взглядов от взглядов П. Эванса заключается в том, что в центре его анализа находится государство, я же анализирую в первую очередь мультинациональные корпорации как принципиально важный хозяйственный институт, формирующий траекторию развития. Думаю, последние двадцать лет – период, в течение которого я изучаю мультинациональные корпорации и разрабатываю теорию зависимости, – можно охарактеризовать как эпоху нарастания и постоянного изменения глобального хозяйства. И сейчас эти вертикально интегрированные мультинациональные корпорации формируют глобальные сети производства [global development networks]. Это навело меня на мысль о том, что глобальные товарные цепи [global commodity chains] представляют собой новую концепцию описания межфирменных хозяйственных сетей, которые определяют организацию глобального хозяйства.

Так что в некотором смысле эти вопросы сегодня становятся более важными для экономической социологии именно в силу указанного сетевого акцента. Замечу, что Марк Грановеттер, рассуждая о социальной укорененности экономического действия⁴, первоначально изучал именно межфирменные сети на глобальном, а не локальном уровне.

³ Evans P. *Embedded Autonomy: States And Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press, 1995.

⁴ Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481–510. См. также перевод: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58; или *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004 (в печати).

И нынешняя экономическая социология характеризуется тем, что люди в ней работают на разных методологических уровнях, оперируя разными единицами анализа.

– *То есть Вы занимаетесь своего рода макроуровнем?*

– Я занимаюсь макроуровнем. Думаю, большинство исследований на макроуровне на самом деле в том или ином виде представляют собой применение теории мировых систем, которую обычно не относят к экономической социологии в традиционном понимании. Но в моих исследованиях международного хозяйства или глобального хозяйства, которые в значительной степени выстроены вокруг анализа фирм [firm-centered], я располагаюсь уровнем ниже. Ибо для меня основными единицами анализа являются фирмы и межфирменные сети. Именно их анализу я уделяю основное внимание, рассуждая об организационных свойствах глобальных отраслей или глобальном хозяйстве. Теория мировых систем Валлерстайна не рассматривает фирмы, в ней речь идет о капитале – промышленном, финансовом, торговом. Также он и его приверженцы рассматривают проблему государства. Мне же кажется, что такой подход к анализу капитала упускает из виду многие его особенности, из поля зрения исчезает собственно актор. А для меня, поскольку я действительно много внимания уделяю изучению мультинациональных корпораций и их стратегий в различных отраслях, глобальные корпорации выступают в качестве ключевых акторов, осуществляющих выбор, который влияет на ход развития и в индустриализованных, и в развивающихся странах. Сейчас меня интересует то, как эти виды деятельности связаны между собой и каким образом они влияют на развитие в разных частях света.

Вероятно, еще ниже, т.е. ниже моего уровня анализа глобальных корпораций, располагается уровень национальных институтов – таких, как государство, профсоюзы, национальные бизнес-ассоциации. Именно на этом уровне вариации капитализма особенно велики, и именно их рассматривают такие теоретики государства, как Питер Эванс. А еще ниже находится уровень явлений, складывающихся внутри национального хозяйства, уровень локальных зон и иных типов сетей, а также фирм в более абстрактном смысле, но не обязательно понимаемых глобально.

– *Скажите, а вы отнесли бы работы Питера Эванса и Фреда Блока – этих теоретиков государства – к политической экономии?*

– Мне кажется, грань между политэкономом и экономсоциологом весьма размыта. Например, свои работы я бы тоже отчасти отнес к политической экономии. Наверное, политэкономов отличает в первую очередь сильный интерес к вопросам национального развития, а также сочетания политических и экономических сил (как глобальных или международных, так и внутренних), влияющих на это развитие. Так что если взять первую работу Питера Эванса (она была опубликована в 1979 г. и посвящена зависимому развитию, в частности опыту Бразилии⁵), то можно сказать, что она оказала большое влияние на мою собственную работу о Мексике – ведь Питер писал об иностранном капитале, национальных фирмах и государстве в Бразилии и о том, как этот тройственный альянс влияет на развитие. В некотором смысле это была экономическая теория. Но это была также и политэкономия, поскольку он говорил о важной роли, которую играет государство, опосредуя или изменяя действие иностранного и национального капитала. Поэтому практически любой автор, занимавшийся вопросами мультинациональных корпораций или иностранного капитала в любой развивающейся стране, по крайней мере, в 1960–1970-е – начале 1980-х гг., включал в анализ и государство. И наверное, это означает, что все эти авторы были политэкономом.

⁵ Evans P. *Dependent Development: The Alliance of Multinational, State, and Local Capital in Brazil*. Princeton: Princeton University Press, 1979.

Если же взять середину 1980-х гг. и последующие годы, то можно заметить крупные изменения в стратегиях развития: от модели развития, ориентированной вовнутрь [inward-oriented model], или импортозамещающей индустриализации [import-substituted industrialization], к модели развития, ориентированной на экспорт [export-oriented model] (ее обычно связывали и Восточной Азией – прежде всего с Японией, а затем и с четырьмя восточноазиатскими «тиграми»: Тайванем, Южной Кореей, Гонконгом, Сингапуром). На мой взгляд, по мере того как исследователи смещали акценты от изучения Латинской Америки к Восточной Азии, выступавшей в качестве модели для теории развития, государство постепенно становилось менее важным, а рыночные силы – напротив, занимали все более прочные позиции в экономической социологии. Так что в каком-то смысле это подтолкнуло политэкономия к экономической социологии.

Государство никогда не исчезало, даже в случае восточноазиатского чуда. И многие теоретики государства (например, Питер Эванс в работе «Укорененная автономия»; или Роберт Уэйд в книге «Управление рынком»⁶, посвященной изучению опыта Тайваня; или Элис Эмсен в работе «Еще один азиатский гигант»⁷ о Южной Корее) показали, что даже в восточноазиатских историях успеха роль правительства была велика, но это было скорее ограниченное управление [lean government], нежели интенсивное вмешательство государства, как в Латинской Америке или в Советском Союзе. Например, в традиционной модели развития, ориентированного вовнутрь, государственные предприятия являются чрезвычайно важным элементом хозяйства. В восточноазиатской модели роль государственных предприятий менее важна. Как правило, они играют более важную роль в базовых производящих отраслях (таких, как сталелитейная промышленность, нефтяная промышленность, кораблестроение), однако, определяя промышленную политику, государство ориентировалось в первую очередь на частные фирмы, производящие готовые товары, которые предназначены на экспорт и таким образом способствуют установлению связей между рынками. Так что роль государства здесь совсем иная и, на мой взгляд, гораздо менее выраженная. Гораздо более стратегическая, нежели на более ранних этапах.

Многие считают, что экономическая социология изучает фирмы, роль промышленных предприятий и их сетей. Мне кажется, разные направления экономической социологии определяются как раз тем, какие именно аспекты деятельности фирмы изучаются. Например, в работах Ховарда Олдрича [Howard Aldrich] основное внимание уделяется предпринимательству или организационной плоскости. А Нил Флигстин [Neil Fligstein] и ряд других авторов рассматривают фирму с точки зрения ее влияния на создание рынков. Если же обратиться к уровню, который анализирую я, т.е. макро-, глобальный уровень, то меня интересуют межфирменные сети в рамках мультинациональных корпораций, работающие поверх государственных границ. Однако во всех этих случаях ярко выражен организационный акцент. Я имею в виду, что когда я рассматриваю глобальные отрасли, меня интересует то, как они организованы. Это также наследие традиции изучения индустриальной организации в экономической теории. По ряду причин в США эта традиция значительно утратила свои позиции. Думаю, одна из причин – в том, что в 1950–1960-е гг. индустриальная организация была очень сильна, и национальное хозяйство тогда было сильным. И основной вопрос вертелся вокруг того, должны ли отрасли быть конкурентными или монополизированными. А также в том, следует ли принимать антитрастовое или антимонопольное законодательство для борьбы с монополиями. Однако постепенно отрасли становилась все более глобальными: например, очень трудно в этом отношении

⁶ Wade R. *Governing the Market: Economic Theory and The Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton: Princeton University Press, 2004 (1990).

⁷ Amsden A. *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. N.Y.: Oxford University Press, 1989.

охарактеризовать американскую автомобильную промышленность, в которой более 90% всех машин выпускалось тремя гигантами – компаниями «Форд», «Дженерал Моторс» и «Крайслер» и которой пришлось вступить с конкуренцией импортных машин из Японии, Германии, Италии, Кореи и других стран, причем последние начали строить собственные заводы в США. Возможно, именно по этой причине вопросы национальной индустриальной организации стали менее важны для экономической теории – и, напротив, более важны для экономической социологии. По крайней мере, меня эти вопросы очень интересуют.

– В принципе, вы уже классифицировали многие направления экономической социологии. Не могли бы вы сейчас подвести некий итог этим рассуждениям и перечислить основные методологические подходы современной экономической социологии? Вы упоминали политическую экономию, которая тесно связана с социологией хозяйственного развития. Или, возможно, следует говорить о сравнительной политэкономии [comparative political economy], которая не ограничивается анализом национальных хозяйств. А какие направления существуют еще помимо этого?

– Да, чрезвычайно важным направлением исследований остается сравнительная политическая экономия: она ориентирована на международный уровень, но на самом деле рассматривает разные типы существующих хозяйственных систем. И старые категории, которые мы использовали применительно к трем типам развития – капиталистические, социалистические, развивающиеся страны, – также претерпели весьма существенные изменения: появился целый ряд переходных хозяйств, и ныне исследователи уделяют много внимания их различным разновидностям и вариациям. Поэтому, полагаю, эта традиция по-прежнему очень важна. И изучение разновидностей капитализма [varieties of capitalism] принадлежит именно к этой традиции.

Есть также уровень организаций – именно к нему я отнес бы подход, нацеленный на анализ глобальных товаропроводящих цепей [global commodity chains approach]. Это макро-организационная перспектива, рассматривающая организационные характеристики мирового хозяйства или глобальных отраслей. И, на мой взгляд, это более плодотворный уровень анализа, поскольку я рассматриваю отрасли как микрокосмы мирового хозяйства, принципиальные различия между которыми связаны с ролью технологий и труда. Организационный подход изучает различные структурные характеристики этих отраслей, то, как осуществляется управление ими и где расположены рычаги власти (т.е. какие группы фирм в этих отраслях пользуются наибольшим влиянием и определяют направление изменений во всей отрасли). Это подход, нацеленный на изучение глобальных цепей поставок, глобальных товаропроводящих цепей, глобальных цепей добавления стоимости [global value chains] и международных сетей производства [international production networks]. Этими вопросами занимаются разные авторы, и многие из них принадлежат к данному подходу. Таким образом, повторю, есть еще макроорганизационный подход.

Отдельное направление исследований – это работы более институционального характера. Ибо организационные исследования явно сосредоточены на изучении фирм и межфирменных сетей и, как правило, опираются на сетевой подход.

– Они более структуралистски ориентированы.

– Да, согласен. Думаю, институционалисты также по-своему подходят к анализу различных элементов национального хозяйства. Они берут бизнес, государство, рабочую силу (особенно в сфере организованного труда), бизнес-ассоциации, образовательную систему общества, прочие институты и рассматривают взаимосвязи между ними. Как правило, они исследуют как явления институционального взаимодополнения [institutional complementarities] (т.е. институты, которые на определенных этапах развития должны идти рука об руку), так и институциональные разрывы или дефициты. И это еще одно направление исследований. Думаю, некоторых авторов, занимающихся изучением государства, можно отнести и к этому институциональному подходу. Определенно, сюда

относится литература о национальных бизнес-системах [national business-systems] (например, работы Ричарда Уитли [Richard Whitley] и других коллег⁸). Правда, Уитли пытается соединить институциональные и организационные подходы.

– Да, я брал у него интервью. Он называет себя теоретиком организаций и в целом более ориентирован на проблемы менеджмента.

– Пожалуй. Но мне кажется, основное различие между подходом Уитли и, скажем, концепцией глобальных товаропроводящих цепей заключается в том, что Уитли все-таки анализирует организации главным образом на уровне стран или национальных государств, – например, он рассматривает немецкую бизнес-систему, японскую, американскую... Речь может идти о странах, которые схожи между собой, так что он может рассуждать, например, о скандинавской модели. Но, на мой взгляд, подход Уитли не подходит для обобщений более глобального характера. А концепция глобальных товаропроводящих сетей включает этот организационный подход, но сразу же переходит на международный уровень. Поэтому я думаю, что эта концепция и концепция бизнес-систем на том уровне, на котором их анализирует Уитли, во многом дополняют друг друга. Например, концепция товаропроводящих цепей на организационном уровне действительно большое внимание уделяет анализу властных отношений, что, на мой взгляд, заимствовано из теории зависимости. Я имею в виду то, что теория зависимости настолько активно занималась анализом власти мультинациональных корпораций, рассматривая последние как главных акторов, что возник вопрос о том, какие же типы фирм сегодня обладают наибольшей властью. Удивительно, но если посмотреть на некоторые наиболее глобальные отрасли промышленности – например, изготовление одежды, обуви, игрушек, потребительской электроники, – то наиболее влиятельными оказываются традиционные мультинациональные корпорации, фирмы-товаропроизводители. Но все чаще наиболее влиятельные фирмы занимаются розничной торговлей, продвигают свои брэнды, т.е. это компании, которые не столько производят продукты, сколько заказывают их. И наверное, главное, что привнесла концепция глобальных товаропроводящих цепей, – это смещение акцента от производства к той части цепочек добавления стоимости, которая связана с конечным потреблением.

Впрочем, вернемся к типологии. Еще одна область, которая совсем не связана с моими исследованиями, но которая важна – это социокультурное направление экономической социологии. Речь идет не только о том, что существуют разные организационные культуры, но и о том, что культура оказывает влияние на функционирование бизнеса. Думаю, здесь сильны элементы конструктивистской теории. В целом, это направление гораздо ближе к микроуровню. Но это очень значимая область исследований, именно здесь берут начало рассуждения об основаниях и причинах мотивации хозяйственной деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие подходы: *сравнительный анализ глобальных хозяйственных систем*; *структурно-организационный анализ*, осуществляющий переход с национального на глобальный уровень (например, от уровня, на котором работает Уитли, к концепции глобальных товаропроводящих цепей); *институциональные подходы*, которые чаще оперируют на национальном уровне, но порою занимаются вопросами и международного развития. Взять, например, Всемирную торговую организацию – то, как она влияет на глобальное хозяйство. Или Международный валютный фонд. Деятельность этих организаций можно рассматривать также с институциональных позиций, с точки зрения того, кто устанавливает правила, по которым функционирует международное хозяйство. И, наконец, есть *социокультурное направление анализа*, которое тоже важно. Вот те основные четыре или пять областей, которые я вижу в экономической социологии.

⁸ Whitley R. (ed.). *European Business Systems: Firms and Markets in their National Contexts*. L.; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992.

– Вы упомянули значимость властного измерения для ваших исследований. В связи с этим, как Вы считаете, марксизм еще сохранил какое-то влияние? Если оставить в стороне теории империализма, сформулированные много лет назад, а также идеи Валлерстайна и его последователей – есть ли в данной области что-либо еще, что также берет начало в марксизме?

– Это очень хороший вопрос. Думаю, в явном виде такие элементы найти затруднительно. Но мне кажется, они есть и так или иначе развиваются. Что я имею в виду? Одна из причин, почему, как я думаю, с этим направлением возникли сложности, заключается в том, что на глобальном уровне класс в качестве аналитической категории использовать значительно труднее, чем на национальном уровне. И классовая борьба как движущая сила изменений тоже с трудом поддается определению в эмпирических исследованиях – особенно в тех, которые нацелены на изучение фирмы или пытаются иметь дело с различными группами капиталистического класса. Мне кажется, марксисты, также как многие экономсоциологи, склонны фокусироваться на вопросах трудовых отношений и роли организованного или неорганизованного труда, особенно влияния мирового капитализма на труд и положение рабочих. Поэтому в каком-то смысле марксизм сегодня еще более влиятелен – если говорить об этих исследованиях влияния глобализации на рабочий класс или сложностях организованного труда на международном уровне. Думаю, это отчасти связано с тем, что марксистские идеи во многом порождены моделью социалистического развития. И как только мы отошли от идеологии «холодной войны» между «первым» и «вторым» мирами, которая действовала вплоть до начала 1990-х гг., традиционных моделей социалистического или коммунистического развития в качестве альтернативы капитализму стало предлагаться все меньше и меньше. И все авторы, которые прежде занимались изучением Советского Союза, Восточной Европы или Китая, теперь обратились к анализу переходных хозяйств, взаимодействия рынка и бывшей социалистической структуры. Вероятно, на макроуровне это действительно понизило влияние марксизма, который в первую очередь нацелен на анализ работы социалистической системы и ее сравнению с капиталистической системой. Очень немногие страны (такие, как Куба) по-прежнему следуют социалистической линии развития. Так что, полагаю, на макроуровне распад организованного социализма в традиционном виде изменил фокус анализа. Однако есть очень сильные социологии – например, Майкл Буравой [Michael Burawoy] в Беркли – которые придерживаются критических марксистских взглядов.

– Да, у нас есть его интервью⁹.

– Или, например, Эрик Олин Райн [Erik Olin Wright] в университете Виксонсина. Среди социологов-марксистов, с которыми я работаю, Эдна Вонасич [Edna Bonacich] из университета Калифорнии в Риверсайде, многие ее работы посвящены роли труда. Более того, Вонасич и ее коллега Ричард Аппельбаум [Richard Appelbaum] написали книгу «Что скрывается за ярлыком»¹⁰, в которой рассказывается о швейной промышленности Лос-Анджелеса, о возникновении и функционировании системы швейных мастерских [sweatshops]. У Вонасич есть также глава в книге под моей редакцией – «Свободная торговля и неравномерное развитие»¹¹; ее глава называется «Реакция рабочей силы на глобальное производство». Словом, я думаю, что эти авторы уделяют значительное внимание изучению трудовых отношений и влиянию на них глобализации как в развитых, так и в развивающихся странах. Таким образом, одно направление марксистских исследований сосредоточено на

⁹ См. интервью: *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 6–11.

¹⁰ Bonacich E., Appelbaum R.P. et al. *Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry*. Berkeley: University of California Press, 2000.

¹¹ Gereffi G., Spener D., Bair J. (eds.). *Free Trade and Uneven Development: The North American Apparel Industry after NAFTA*. Philadelphia: Temple University Press, 2002.

изучении процессов, происходящих на рабочем месте, но взятых в контексте глобализации. Или же они занимаются международными сопоставлениями – показывая, как транснациональный капитал способен освобождаться от каких бы то ни было форм организованного труда или дорогостоящей рабочей силы, свободно перемещаясь по миру в поисках более дешевой, менее защищенной рабочей силы.

– *В связи с этим, каково Ваше мнение о работах Мануэля Кастельса [Manuel Castells]? Одна его книга, «Информационная эпоха», переведена на русский язык¹². Что Вы о ней думаете?*

– Мне кажется, основным вкладом Кастельса является как раз работа, которую Вы только что назвали. Он пытается показать, что нынешний глобальный мир эпохи постмодерна опирается в качестве основы на сети и в сущности не привязан к конкретным местам. В том смысле, что пространство значительно легче связать посредством разного рода сетей, и в этой связи он говорит, например, о виртуальных корпорациях. Такой литературы много, но, мне кажется, он развивает идеи таких авторов, как теоретик-постмодернист Дэвид Харви [David Harvey]¹³.

– *По сравнению с Вашим подходом, подход Кастельса более постмодернистски ориентирован?*

– Пожалуй, да, немного... Но, думаю, здесь есть и общие моменты: например, с одной стороны, акцент, который я делаю на сетях и глобальных товарных цепях, и с другой – роль этих глобальных закупщиков или брэндов, таких, как «Найк» или «Дисней» и др., которые организуют глобальное производство, не будучи при этом основными производителями, – по мнению Кастельса, именно в этом заключается новая сущность глобализации. Он также описывает такие компании, как «Cisco Systems» (производитель оборудования для поддержания Интернета), – виртуальные компании, на самом деле не имеющие никаких физических активов, но контролирующие интеллектуальную собственность: они контролируют средства организации производства повсюду, начиная от головных офисов. Словом, в случае таких компаний, как «Найк», глобальный брэнд позволяет контролировать производство продуктов, для которых они лишь разрабатывают дизайн, но сами не занимаются их производством.

– *Нечто в духе новой экономики?*

– Думаю, да, это в значительной степени новая экономика, рассматривается также роль видов деятельности, основанных на Интернете или информации в целом, а также то, как новая экономика опирается на эти виртуальные сети (причем, здесь имеются в виду не столько традиционные персональные или социальные, сколько информационные сети). В этой области работают Кастельс и, например, Саския Сассен [Saskia Sassen] с ее идеей глобальных городов, где ключевая роль в формировании новых типов социальных отношений отводится информации. Думаю, здесь мы имеем дело с одним из направлений экономической социологии и, определенно, социологии, занимающейся вопросами глобализации. Полагаю, новыми темами в экономической социологии стали вопросы о том, как работают информационные сети или связи, каково их влияние. На мой взгляд, работы Кастельса и Сассен можно отнести к исследованиям общества, основанного на знании [knowledge-based society].

– *В принципе, я упомянул Кастельса (это касается и С. Сассен), потому что он интересуется вопросами труда и капитала, помимо информационных глобальных сетей.*

¹² См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.

¹³ См., например: Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003; Harvey D. *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography*. N.Y.: Routledge, 2001; Harvey D. *The Limits to Capital*. Oxford: B. Blackwell, 1982.

– Да, это верно. Но, например, они не анализируют вопросы трудовых отношений в связи с глобальным производством, как это делает Эдна Бонасич. Если взглянуть на эти глобальные сети производства, где действуют такие компании, как «WalMart»: у нее шесть тысяч фабрик, которые разбросаны по всему миру, и на всех разная продукция и разные уровни зарплаты. Это требует более пристального внимания к анализу фирм и того, как фирмы организуют производство и рабочих. Мне кажется, в работах Сассен или Кастельса этого нет. В любом случае, они больше рассуждают о рабочих в сфере знания. В меньшей степени их интересуют фабричные рабочие. Мне кажется, производящие отрасли промышленности, которые они изучают, побуждают нас более внимательно анализировать рутинные процессы производства, трудоемкое производство – а не знаниеемкое или высокотехнологичное производство. На мой взгляд, эти исследователи говорят об одних и тех же проблемах, но на разных уровнях абстракции. Например, С. Сассен пишет о глобальных городах – Нью-Йорке, Лондоне, Париже. В этих городах не производят игрушки или комплектующие к компьютерам. Игрушки и комплектующие или обувь изготавливают в развивающихся странах, так сказать, «на задворках», либо в этих же странах, но в их частях, расположенных в отдалении от глобальных городов. Это части глобального хозяйства, функционирующие вдали от «головных» подразделений. Словом, как мне представляется, они описывают два разных аспекта глобального хозяйства – в отличие от того, который я анализирую в рамках концепции сетей глобального производства.

– *Не могли бы вы назвать недавно изданные книги или статьи, которые произвели на Вас наибольшее впечатление – показались неожиданными, провокационными, заставили задуматься? Под «новыми» я имею в виду те, что вышли три-четыре года назад, не ранее.*

– Что ж... Книга, которая показалась мне чрезвычайно полезной, – это книга «Глобальный сдвиг»¹⁴, написанная экономгеографом Питером Дикеном [Peter Dicken]. Сейчас вышло уже 4-е издание, книга практически стала учебником по глобализации с точки зрения анализа того, где размещаются различные производственные виды деятельности. Первое издание появилось, если не ошибаюсь, в 1992 г. Дикен работает в Манчестерском университете на кафедре экономической географии; пару месяцев назад он вышел на пенсию. По крайней мере, для моих исследований многие работы экономгеографов оказались очень важными, поскольку они пытаются выявить, как хозяйственная деятельность осуществляется с точки зрения ее географического расположения и какие изменения в этом отношении происходят.

Один из авторов, очень интересных в этом отношении, – Анна-Ли Саксениан [AnnaLee Saxenian], она работает в Беркли.

¹⁴ Dicken P. *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century*. 4th ed. L.; Thousand Oaks: Sage Publications, 2003.

Любопытно обратить внимание на изменение подзаголовков от издания к изданию:

Global Shift: Transforming the World Economy. 3rd ed. N.Y.: Guilford Press, 1998.

Global Shift: The Internationalization of Economic Activity. 2nd ed. N.Y.: Guilford Press; L.: Paul Chapman Pub., 1992.

Global Shift: Industrial Change in a Turbulent World. L.; N.Y.: Harper & Row, 1986.

– Да, она писала о 128-й магистрали и Силиконовой долине¹⁵.

– Совершенно верно. В своем исследовании она сопоставила Силиконовую долину и 128-ю магистраль в районе Бостона как способы организации региональных хозяйств¹⁶. Ее более поздние работы посвящены предпринимателям-иммигрантам, которые и образуют сообщество Силиконовой долины. Раньше происходила «утечка умов» в места, подобные Силиконовой долине, сюда стекались работники в сфере знания из развивающихся стран – Индии, Китая, Тайваня, Кореи и т.д., – которые стремились в США заниматься этой работой. А сейчас эти иммигранты выстраивают сети, которые позволяют развивать данные отрасли в их родных странах.

– То есть работники возвращаются обратно.

– Да, они возвращаются. А совсем недавно у нее вышла книга «Новые предприниматели-иммигранты Силиконовой долины»¹⁷. Здесь поднимается вопрос о том, что направленность потоков знания на самом деле может изменяться. Таким образом, данное направление сетевого анализа, сфокусированное на изучении знаниеемкого производства, я считаю очень важным.

Интересна книга Роберта Райха [Robert Reich] «Работа наций»¹⁸. В период правления Клинтона Р. Райх занимал пост руководителя департамента по вопросам труда, он стимулировал появление многих исследований «глобальных мастерских». «Работа наций» пользуется большим влиянием, поскольку в ней выдвигается этот тезис о переходе от вертикально интегрированных отраслей к фрагментированному производству; анализируется то, как в США рутинные производственные процессы теряют свое значение, уступая место индивидам, чья работа построена на использовании навыков высшего порядка. В сущности, он говорит об изменениях в классовой структуре США, которые отражают влияние сил глобализации. Он применяет глобализационный подход также к развивающимся странам и происходящим в них переменам. Полагаю, его работы очень полезны.

Интересны работы экономиста Пола Кругмана [Paul Krugman]. Он рассматривает с точки зрения экономической теории то, как и почему международные сети производства, которые сформировали экспорт промышленных товаров, оказываются укорененными в развивающихся странах. В целом, я многое почерпнул за рамками собственно социологии.

Работы Гэри Гамильтона [Gary Hamilton] – социолога из Университета Вашингтона в Сиэтле. Он изучает функционирование азиатских деловых сетей, прежде всего тайваньских и корейских. Его работы хорошо известны¹⁹.

¹⁵ 128-я магистраль Массачусетса и Силиконовая долина – ведущие районы мира в сфере разработок передовых технологий. Подробнее см.:

<http://www.netvalley.com/archives/mirrors/sv&128.html>. – Прим. перев.

¹⁶ Saxenian A. *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.

¹⁷ Saxenian A. et al. *Local and Global Networks of Immigrant Professionals in Silicon Valley*. San Francisco, CA: Public Policy Institute of California, 2002.

¹⁸ Reich R.B. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. N.Y.: Vintage Books, 1992; A.A. Knopf, 1991.

¹⁹ См., например: Hamilton G. Civilization and the Organization of Economics // *The Handbook of Economic Sociology* / Smelser N., Swedberg R. (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 183–205; Orru M., Biggart N., Hamilton G. *The Economic Organization of East Asian Capitalism*. L.: Sage, 1997.

Пожалуй, на меня оказали влияние очень разные течения. На мой взгляд, традиционная экономическая социология недостаточно четко фокусировалась на вопросах глобального хозяйства, поэтому чтобы найти авторов, чьи исследования были бы релевантны моим интересам и изысканиям, мне пришлось обращаться в работам экономгеографов и политэкономов, таких, как Р. Райх, или экономистов, занимающихся изучением международной торговли. Одним словом, я пытаюсь создать новую подобласть экономической социологии, которая сосредоточена на организационном анализе глобального хозяйства.

– *Вы называете ее социологией развития или социологией хозяйственного развития? Как Вы для себя ее определяете?*

– Думаю, корни ее в социологии развития, однако это было еще в 1970-е гг. В 1990-е же годы традиционная социология развития существенно изменилась и стала гораздо ближе к тому, что мы понимаем под экономической социологией.

– *И как бы Вы назвали то поле, о котором Вы сейчас говорите?*

– Пожалуй, это было бы нечто вроде концепции сетей международного производства [international production networks]. Или организация глобального хозяйства. В сущности, та глава, которую я написал для нового издания «Хрестоматии» [Смелсера и Сведберга], посвящена вопросам глобального хозяйства: организации, управлению и развитию. Таким образом, данную подобласть точнее определить как исследование глобального хозяйства или организацию глобального хозяйства [organization of the global economy]. А аспект, интересующий меня в ней более всего, – сети международного производства. Но это можно назвать и сравнительным анализом хозяйственных систем [comparative economic systems], это тоже будет недалеко от истины. Хотя, пожалуй, точнее всего – организация глобального хозяйства. Поскольку это очевидно иное направление, нежели анализ мировых систем.

– *Да, я понимаю.*

– Ведь анализ мировых систем опирается на более узкий теоретический фундамент, в нем нет акцента на организационном аспекте, он скорее системно ориентирован. Для меня же принципиально важно для названия этого направления слово «организация». Не думаю, впрочем, что это окончательный вариант. Можно назвать и анализом глобальных товаропроводящих цепей – ведь люди в этой связи думают в первую очередь именно о них. Но «международные сети производства» кажется мне более общим названием, которое включает и анализ товаропроводящих цепей, и цепей добавления стоимости, и цепей международных поставок. Словом, я пока не уверен. Наверное, «организационный подход к глобальному хозяйству» – самое точное название, которое мне на данный момент приходит в голову.

Любопытно будет взглянуть на новое издание «Хрестоматии»²⁰. Или даже на первое издание. Посмотреть, сколько глав впишутся в такое название. Возможно, еще один вариант – это сетевые подходы к глобальному хозяйству. Потому что весь организационный подход, которого я придерживаюсь, в значительной степени опирается на сетевой анализ. Поэтому и работы, например, Г. Гамильтона по своей ориентированности близки к моей подобласти. Появилось также множество эмпирических исследований глобальных товаропроводящих цепей. Они также выросли на основе теории мировых систем и какое-то время являлись ее частью. Затем концепция глобальных товарных цепей вошла в социологию развития и несколько видоизменилась. И, мне кажется, сейчас это правильно назвать анализом глобальных цепей добавления стоимости [global value chains approach].

²⁰ Smelser N., Swedberg R. (eds.) *The Handbook of Economic Sociology*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 2005 (forthcoming).

Есть даже веб-сайт, посвященный литературе по глобальным цепям. Словом, это довольно динамично развивающееся направление.

– В связи с упомянутыми Вами национальными моделями развития, если вернуться в 1970-е гг., к сравнительным исследованиям того времени: исследователей интересовали сопоставления между США и Европой, затем возник интерес к Японии, весьма сильный интерес, надо сказать. Затем, если я не ошибаюсь, внимание сместилось к Латинской Америке. А к началу 1990-х гг. – к новым индустриализованным странам, к Юго-Восточной Азии. А сейчас все активно изучают Китай.

– Мне кажется, наиболее интенсивно среди региональных сопоставлений велись сравнительные исследования Латинской Америки и Восточной Азии. Наверное, в этой книге – «Производство чудес»²¹ – специалисты, изучающие Латинскую Америку и Азию, впервые оказались под одной обложкой. Она вышла в 1990 г. в издательстве Принстонского университета. Примерно в то же время, чуть позже, вышли исследования, посвященные сравнительному анализу Латинской Америки и Восточной Европы (эта книга в середине 1990-х гг. была даже переведена на китайский – настолько значимой она была сочтена). Но, мне кажется, это связано и с тем, что Всемирный банк уделял повышенное внимание Восточной Азии, и с тем, что она в результате отошла от модели импортозамещения [import-substitution model]. А в последние пять лет внимание переключилось на переходные хозяйства Центральной и Восточной Европы, сейчас постепенно происходит смещение акцента в сторону Центральной Азии, которая становится зоной экономического роста. Отчасти это объясняется тем, что страны Центральной и Восточной Европы стали более тесно связаны с Западной Европой в результате расширения Европейского союза. Мне кажется, здесь можно выделить ряд подмоделей: например, Венгрия следует совершенно иной траектории, нежели, скажем, Румыния. Я встречал исследователей, которые сравнивают опыт стран Центральной и Восточной Европы с опытом Китая и Вьетнама. Они расширяют это понятие европейских и азиатских переходных обществ, бывших советских социалистических стран. Думаю, в последние пять эти страны вызвали новый всплеск интереса к себе. А еще в ближайшие пять лет странами, которые будут вызывать наибольший интерес, видимо, будут Китай (номер один) и Индия (номер два).

– А Бразилия? Мне кажется, о Бразилии тоже опять стали много говорить.

– Бразилия? Возможно. Бразилия и Россия – это две страны, на которые мне хотелось бы взглянуть.

– Да, иногда Россию указывают четвертой в числе этих динамично развивающихся в перспективе стран. Но мы в России сомневаемся в подобном успехе. Возможно, если бы мы были бразильцами, мы бы тоже скептически к этому относились.

– Да, вероятно, эти четыре страны представляют собой наиболее важные примеры развития в международном масштабе. Отчасти в силу их размера, отчасти в силу их влияния на прилегающие страны. А отчасти потому, что они демонстрируют очень разные схемы развития. Очевидный пример – Китай. Ведь уже несколько лет, как он стал ведущей страной в сфере экспорта промышленных товаров, особенно южный Китай. Но он тоже очень быстро движется в сторону развития знаниеемких отраслей. Мне кажется, Китай пытается двигаться вперед одновременно в нескольких направлениях с точки зрения стратегий развития, и его размеры ему это позволяют. Это может породить интересные политические вопросы – например, на каком уровне государственной власти следует регулировать такие вещи. Мое впечатление от Китая таково, что это страна с очень мощной региональной динамикой и

²¹ Gereffi G., Wyman D.L. (eds.) *Manufacturing Miracles: Paths of Industrialization in Latin America and East Asia*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

децентрализованной политической системой, которая не всегда сталкивается лицом к лицу с центральной администрацией. Вот к таким вопросам нас подводит Китай.

В последнее время интересной страной в этом отношении стала Индия – в силу ее внимания к аутсорсингу в сфере информационных технологий, а также потому, что в индийской модели, по сравнению с китайской, куда меньшее значение придается прямым иностранным инвестициям. Важной проблемой Китая является то, что две трети китайского промышленного экспорта производятся иностранными фирмами. Многие из них – азиатские. Двумя наиболее крупными инвесторами являются Тайвань и Корея. Причем, присутствие Кореи становится все более ощутимым. Япония также привлекает крупные инвестиции в определенные отрасли. И конечно, крупными инвесторами являются США и европейские страны. Так что китайская модель развития, ориентированная на экспорт, в сильной степени завязана на зарубежные инвестиции, а также опирается на огромный интерес к внутреннему рынку Китая. Поэтому иностранные инвесторы в таких отраслях как, например, автомобилестроение или компьютерная промышленность, крайне заинтересованы в развитии своих цепей поставок в Китае. Индия куда менее охотно привлекает иностранный капитал. И значительная часть ее успеха достигается благодаря отечественным предпринимателям и капиталистам. К тому же Индия – это демократическая страна. И интересен вопрос о том, как самая большая демократическая страна в мире справится с проблемами глобализации. А поскольку, вдобавок, это англоговорящая страна, ей намного проще установить отношения аутсорсинга с западными странами в сфере информационных технологий.

Бразилия интересна в силу того, что там появился новый президент Лула [Luiz Inacio Lula de Silva], который сменил на этом посту выдающегося социолога Ф. Кордосу. (Это был один из наиболее талантливых социологов, которых мне довелось встречать на протяжении всей профессиональной карьеры.) Я полагаю, что сейчас деятельность Лулы, который не смог обеспечить быстрых изменений и выполнить обещания, касающиеся решения проблем занятости, вызывает нарастающее разочарование. И Бразилия демонстрирует типичные латиноамериканские проблемы (которые, впрочем, проявляются и в развивающихся странах из других регионов) – нарастающего неравенства доходов и высокого уровня бедности, не смотря на высокие темпы экономического роста и наличие некоторых очень развитых хозяйственных отраслей. Действительно, пример Бразилии очень и очень важен. По моему мнению, Бразилия, Индия и Китай настолько велики, что способны придать промышленной политике куда больший вес в модели хозяйственного развития, чем это предполагалось в экспорто-ориентированной модели Всемирного банка.

Бразилия важна и по другой причине. Дело в том, что на сессиях ВТО в Канкуне²² она продемонстрировала способность объединить под своим началом другие развивающиеся страны под лозунгом критики созданной в рамках ВТО несправедливой системы международных хозяйственных отношений. Они говорили о несправедливости политики субсидирования сельского хозяйства развитыми странами, которая мешает решить проблемы неравенства доходов. Таким образом, они бросают вызов сложившемуся международному хозяйственному порядку, подобно тому, как в 1970-е гг. это делала так называемая «Группа семидесяти семи»²³ из неприсоединившихся государств, которая оспаривала деление мира на

²² 10–14 сентября 2003 г. в г. Канкун (Мексика) состоялась Пятая конференция Всемирной торговой организации [The Fifth WTO Ministerial Conference]. Основной задачей конференции являлось обсуждение процесса переговоров и смежных вопросов согласно утвержденной в Дохе программе развития [Doha Development Agenda]. – *Прим. перев.*

²³ «Группа семидесяти семи» [The Group of 77 (G-77)] учреждена в 1964 г. 77 развивающимися странами, которые подписали «Совместную декларацию семидесяти семи стран», подготовленную по окончании первой сессии Конференции ООН по вопросам торговли и развития (UNCTAD) в Женеве. В настоящее время членами группы

Запад и Восток, говоря: «Мы должны сделать нечто большее для развивающихся стран». Сегодня мы достигли той точки, в которой антиглобализационное движение стало чрезвычайно сильным, прежде всего в силу неспособности глобализации дать ответ на фундаментальные вопросы хозяйственного развития. И Бразилия способна сыграть очень важную роль в мобилизации этого политического сопротивления.

Еще одна важная страна – Мексика. Но она слишком привязана к хозяйству США, чтобы иметь сильный независимый голос. В то время как Бразилия сохраняет относительно независимую модель развития.

Как я уже упоминал, в прошлом году я трижды посетил Казахстан, и это были мои первые визиты на территорию бывших социалистических стран. Я работал по проекту Всемирного банка, который оценивал возможности диверсификации казахской экономики за пределы нефте- и газобывающих отраслей. Я был поражен тем, как они могут справляться с подобной задачей, имея основные ресурсы нефти и газа в Каспийском регионе на западе Казахстана, при том что большинство населения проживает в его восточных областях. Один из ключевых вопросов заключался в том, что у них сохранились высококвалифицированные кадры и высокотехнологичное оборудование в отраслях оборонной промышленности. И нужно было конвертировать эти оборонные производства во что-то, имеющее рыночные перспективы. Мы обнаружили, насколько тяжела эта задача.

Наиболее успешная компания, с представителями которой мы встречались, в советское время производила торпеды для атомных подводных лодок. А сейчас превратилась в одного из ведущих поставщиков вакуумных контейнеров для нефтяной и газовой промышленности (эта продукция также требует высокотехнологичного оборудования). Но для того, чтобы реализовать этот проект, им пришлось реорганизовать комбинат с 10 тыс. занятых и шлейфом социальных обязательств и превратиться в коммерчески ориентированную фирму с 600–800 работниками, заключив множество договоров о передаче технологий из Италии и других стран. Ее руководитель (хорошо образованный профессионал) рассказал нам о тех трудностях, с которыми они столкнулись при создании первых совместных предприятий с зарубежными партнерами, преобразовании привычных для советского времени трудовых отношений, потере российского рынка для экспорта своей продукции (сейчас они конкурируют с российскими предприятиями). О проблемах, связанных с отказом от множества социальных обязательств бывшего советского предприятия по содержанию жилья и образовательных учреждений, чтобы стать более экономически состоятельными. Впрочем, подобные истории успеха в переходном хозяйстве Казахстана были крайне редки. Возможно, это касалось одного предприятия из двадцати. А большинство предприятий находились в трудных поисках путей конверсии.

В этой связи, в чем состоит наиболее важная проблема для современной России? У вас сохранился огромный научно-технический потенциал. Но он стремительно стареет. И не только по числу лет, устаревают само сосредоточенное в нем знание. И вопрос заключается в том, как наиболее производительно использовать высококвалифицированные кадры, которые в принципе идеально подходят для развития высокотехнологичных производств. Как переориентировать полученные знания и навыки в направлении их коммерциализации. И найти рынок для своей продукции. У вас сосредоточены огромные стартовые ресурсы, но они организованы далеко не идеальными способами с точки зрения запросов западных рынков. Это одновременно большие возможности и серьезный вызов.

Я говорил с экспертами Всемирного банка, которые работали в Москве в этих областях. Похоже, они очень заинтересовались подходом, анализирующим товаропроводящие цепи.

являются 132 страны, однако ее название по историческим причинам осталось прежним. Подробнее см.: <http://www.g77.org>. – Прим. перев.

Но они в большей степени находились под влиянием кластерного подхода Майкла Портера. Кстати, Портер – еще одна влиятельная фигура для тех областей, которыми я занимаюсь с точки зрения деловых стратегий. Хотя он говорил о цепях добавления стоимости не в глобальном контексте. Так вот, эти эксперты обнаружили в России (вполне в духе Портера) очень динамично развивающиеся кластеры, сосредоточенные вокруг крупных городов. Возможно, теория кластеров и поможет России найти свой путь от традиционных к более глобально ориентированным формам организации хозяйства.

Я также обнаружил, что мне близки исследователи, которые занимаются индустриальными районами, подобно Майклу Пиоре [Michael Piore] и Чарльзу Сейбелу [Charles Sabel], или кластерным анализом, подобно коллегам из Института исследований проблем развития [Institute of Development Studies] в Сассексе Джону Хамфри [John Humphrey] и Хуберту Шмицу [Hubert Schmitz]²⁴. Они очень сильны в исследовании локальных сетей производства и инноваций. Однако эти кластеры не были включены в глобальное хозяйство. А подход, изучающий глобальные товаропроводящие цепи, наоборот, рассматривал международные производственные сети, но вне их связи с институциональными структурами. Так что весьма уместным оказался проект, в котором я начал работать с 2000 г., где воссоединились исследователи, занимающиеся кластерным и глобальным подходами, которые сказали: «Хорошо, если теперь нам удастся теоретически соединить оба подхода, то мы получим прекрасный результат». И я надеюсь, именно на этом стыке будет проведено множество новых плодотворных исследований, и мы получим более интегрированную теоретическую схему.

– Будем надеяться. Большое спасибо.

Избранные публикации Г. Джереффи

Книги

Latin America in the 21st Century: Toward a New Sociopolitical Matrix / M.A. Garretón, M. Cavarozzi, P.S. Cleaves, G. Gereffi, J. Hartlyn. Miami: University of Miami, North-South Center Press, 2003.

Gereffi G., Memodovic O. *The Global Apparel Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries?* United Nations Industrial Development Organization (UNIDO), Sectoral Studies Series. 2003

<http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/UNIDO-Global Apparel 2003.pdf>

Gereffi G., Spener D., Bair J. (eds.). *Free Trade and Uneven Development: The North American Apparel Industry after NAFTA*. Philadelphia: Temple University Press, 2002.

Gereffi G. *International Competitiveness of Asian Economies in the Apparel Commodity Chain*. Manila: Asian Development Bank, 2002.

Gereffi G. *The Transformation of the North American Apparel Industry: Is NAFTA a Curse or a Blessing?* Santiago, Chile: Naciones Unidas, CEPAL, Investment and Corporate Strategies, Division of Production, Productivity and Managements, Unit on Investment and Corporate Strategies, 2000.

Gereffi G., Wyman D.L. (eds.). *Manufacturing Miracles: Paths of Industrialization in Latin America and East Asia*. Princeton: Princeton University Press, 1996 (1990).

²⁴ <http://www.ids.ac.uk>

- Gereffi G., Korzeniewicz M. (eds.) *Commodity Chains and Global Capitalism*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1994.
- Gereffi G. *The Pharmaceutical Industry and Dependency in the Third World*. Princeton: Princeton University Press, 1983.

Статьи

- Gereffi G., Kaplinsky R. (eds.) The Value of Value Chains: Spreading the Gains from Globalisation // *Special issue of the IDS Bulletin*. 2001. Vol. 32. No. 3. July. Brighton, UK: Institute of Development Studies at the University of Sussex.
http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/T_of_C_and_promo.pdf
- Bair J., Gereffi G. Local Clusters in Global Chains: The Causes and Consequences of Export Dynamism in Torreon's Blue Jeans Industry // *World Development*. 2001. Vol. 29. No. 11. November. P. 1885–1903.
http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/blue_jeans_wd_nov01.pdf
- Gereffi G., Garcia-Johnson R., Sasser E. The NGO-Industrial Complex // *Foreign Policy*. 2001. Vol. 125. July – August. P. 56–65.
http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/the_ngo_industrial_complex_foreign_policy_2001.pdf
- Gereffi G. Shifting Governance Structures in Global Commodity Chains, with Special Reference to the Internet // *American Behavioral Scientist*. 2001. Vol. 44. No. 10. June. P. 1616–1637.
http://www.soc.duke.edu/~ggere/web/shifting_governance_structures_in_gccs_abs_june_2001.pdf